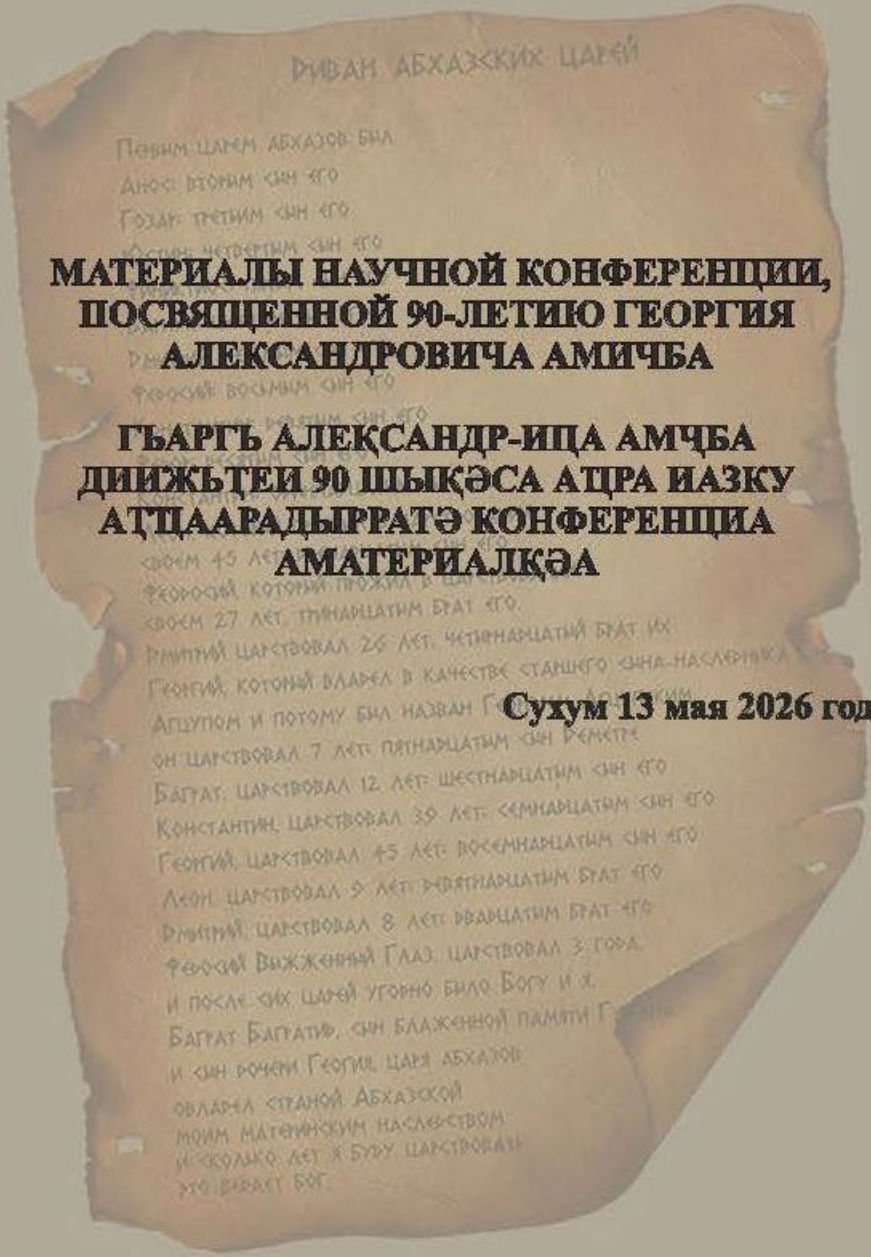


МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 90-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА АМИЧБА

ГЬАРГЬ АЛЕҨСАНДР-ИПА АМҶБА ДИИЖЬҬЕИ 90 ШЫҚӘСА АҬРА ИАЗКУ АҬҬАРАДЫРРАТӘ КОНФЕРЕНЦИА АМАТЕРИАЛҚӘА

Сухум 13 мая 2026 год

АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 90-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА АМИЧБА

ГЬАРГЬ АЛЕҚСАНДР-ИПА АМҬБА ДИИЖЬҬЕИ 90 ШЫҚӘСА АҬРА ИАЗКУ АҬҬАРАДЫРРАТӘ КОНФЕРЕНЦИА АМАТЕРИАЛҚӘА

Сухум, 2026

УДК 001(5)
ББК 72.5(5Абх)-8я 431
М 34

Редколлегия: *Габелия А.Н., Касландзия Н.В., Джапуа А.Э., Смыр С.А.*

Материалы научной конференции, посвященной 90-летию Георгия Александровича Амичба. Сухум, 2026. 350 с.

В настоящем сборнике публикуются материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения известного кавказоведа, этнолога, переводчика, профессора АГУ Г.А. Амичба.

Представленные в сборнике материалы охватывают широкий спектр научных тем. Они предназначены для историков, этнологов, археологов, студентов, магистров, аспирантов, а также обширной читательской аудитории.

Г/Р 978-5-155-24-04026

©Абхазский государственный университет, 2026

АРХИМАНДРИТ ДОРОФЕЙ (ДБАР),
д-р теологии, доц. кафедры истории,
археологии и этнологии Абхазии

ХРАМ КИАЧНЫХА: АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ЦЕРКОВНЫЕ ДРЕВНОСТИ

Аннотация. *В статье представлено комплексное историко-археологическое и теологическое исследование средневекового храма Киач (Киачныха), расположенного в горной части Очамчырского района Абхазии. Автором систематизированы данные по географическому положению и архитектурно-типологическим особенностям памятника, атрибутируемого как трехнефная базилика с изолированными нефами (mur cloisonnée).*

Особое внимание уделено дискуссионным вопросам датировки храма: сопоставляются существующие в историографии концепции (от VII до XI вв.), при этом в качестве ключевого хронологического индикатора (terminus ante quem) рассматриваются предметы церковной утвари. В работе детально анализируется серебряная рипида X в. с надписью абхазского царя Георгия II, позволяющая уточнить время функционирования храма.

Важной составляющей исследования является анализ трансформации образа храма в народной памяти. Автор рассматривает фольклорные сюжеты о «строительной жертве», родовых святынях и мифологизированные представления о перемещении «огненных» святынь, проводя параллели между народными преданиями и библейской экзегезой. Статья подчеркивает необходимость проведения полномасштабных археологических раскопок для верификации ранних этапов истории памятника.

Ключевые слова: *храм Киач, Киачныха, село Джгярда, Чегем, река Кодор, Абхазское царство, Георгий II, трехнефная базилика, литургическая утварь, серебряная рипида, чеканное искусство, Тетраморф, архангел Гавриил, христианство в Абхазии, народное православие,*

святыня (аныха), фольклор, строительная жертва, род Киачаа (Гечаа).

Abstract. *This article presents a comprehensive historical-archaeological and theological study of the medieval Church of Kiach (Kiachnykha), located in the mountainous part of Ochamchira district of Abkhazia. The author systematizes data on the geographical location and architectural-typological features of the monument, which is identified as a three-nave basilica with isolated naves (cloisonnée type).*

Special attention is given to the debatable issues of the church's dating: existing historiographical concepts (ranging from the 7th to the 11th centuries) are compared, while items of church utensils are considered as a key chronological indicator (terminus ante quem). The work provides a detailed analysis of a 10th-century silver ripidion bearing an inscription of the Abkhazian king George II, which helps to clarify the period of the church's functioning.

A significant element of the study is the analysis of the transformation of the church's image in folk memory. The author examines folklore narratives concerning "building sacrifice," clan shrines, and mythologized perceptions of the movement of "fiery" icons, drawing parallels between folk traditions and biblical exegesis. The article underscores the necessity of conducting full-scale archaeological excavations to verify the early stages of the monument's history.

Keywords: *Kiach Church, Kiachnykha, Jgyarda village, Chegem, Kodor River, Abkhazian Kingdom, George II, three-nave basilica, liturgical utensils, silver ripidion, toreutic art, Tetramorph, Archangel Gabriel, Christianity in Abkhazia, folk Orthodoxy, shrine (anykha), folklore, building sacrifice, Kiachaa family (Gechaa).*

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Руины средневекового христианского храма Киач, известного в местной традиции как Киачныха[1], расположены в Очам-

[1] В современной научной литературе наблюдается вариативность в передаче данного топонима: встречаются формы *Киач*, *Кеч* и *Кяч*. С точки зрения фонетической точности, абхазской форме *Қьач* [Кэарчиа, 2002, ад. 467] наиболее соответствуют варианты *Кьач* или *Кьяч*. Однако в русскоязычной традиции закрепились формы *Киач* или *Кяч*, что обусловлено артикуляционной сложностью палатализованных сочетаний для русскоязычной аудитории.

чырском районе Республики Абхазия. Памятник находится в горной части с. Джгярда (*Цьгьа́рда*), в местности Чегем, на одноименном холме (рис. 1).

Согласно Иосифу Адзинба, храм возведен на плоской поверхности отрога Панаюского хребта, на высоте около 1200 м над уровнем моря [Адзинба, 1958, с. 90]. По более современным

Вариант *Кеч* представляется наименее обоснованным, так как в наиболее ранней известной фиксации топонима, датируемой X в., используется форма *Қиач* [Чубинашвили, т. 1, 1959, с. 138].

При именовании памятника как культового объекта (святилища) также дискуссионным остается вопрос использования аффикса *-ных*/*-ныха*. Проф. Ш. Инал-ипа в подготовленном им перечне древнеабхазских святилищ использует форму *Кьач-ных* (*Қьач-ных*) [Инал-ипа, 1976, с. 303]. Следует отметить, что в работе названного исследователя наблюдается терминологическая вариативность: одни названия имеют окончание *-ных* и пишутся либо слитно, либо через дефис (например, *Айтарных*, *Лыдзаа-ных*), другие же – окончание *-ныха* (*Ебырныха*, *Елыр-ныха*). При этом автор не приводит объяснений подобному различию. Тем не менее, учитывая этимологическую связь абхазской основы *а-ныха* с аланским (осетинским) *ныхас* [Джонуа, 2004, с. 428], филологически более корректным для научной работы представляется использование полногласного варианта – *Киачныха (Қьачныха)*. Данный вариант написания также верифицируется материалами В. Кварчия, зафиксированными в труде «Топонимика Абхазии» [Кәарҷиа, 2002, ад. 467].

В специальной литературе исследуемый объект также упоминается под названием *Киач-абаа* (абх. *абаа* – крепость) и *Киач-Абааныха* или *Аныхабаа* [Сангулиа, 1969, с. 93; Бердзенишвили, 2010, с. 319, 323; Ендольцева, 2017, с. 45; Ендольцева, 2020, с. 315]. Подобная дефиниция объясняется сложившейся в советский период традицией в народной среде и локальной топонимике отождествления любых монументальных руин с фортификационными сооружениями. Аналогичная терминологическая подмена зафиксирована и на примере других памятников церковного зодчества Абхазии. Так, раннехристианская базилика Амбара (пос. Мюссера, с. Мгудзырхуа) в местной традиции также именуется крепостью (*абаа*). Как мы уже отметили, в абхазской топонимике для обозначения храма и прилегающей сакральной территории традиционно используются компоненты *-ныха* или *-ных*. Искусственная форма *аныхабаа* (букв. *церковь/святилище-крепость*) является нетипичной и, по всей видимости, представляет собой позднейший лексический конструкт, возникший в результате наслоения разнородных определений объекта.

уточненным данным с использованием GPS-навигации, высота объекта составляет 1030 м над уровнем моря, а его географические координаты – 42°58’52» с.ш., 41°21’40» в.д. [Ендольцева, 2020, с. 315].

Храм занимал стратегически важное положение на одной из старинных перевальных дорог, связывавших левобережье р. Кодор (села Адзюбжа, Атара, Джгярда) с долиной Цабала и Далом. Объект расположен в 8 км к югу от русла Кодора. Путь пролегал через урочище Амзара к Багадскому мосту – ключевому пункту переправы через Кодор. Ю.Н. Воронов описывает подход к памятнику как «долгую тропу через буковый и тисовый лес», выводящую из урочища Амзара непосредственно к перевалу, на котором покоятся руины [Воронов, 1977, с. 33].

Важной деталью ландшафтного контекста является связь памятника с оборонительными сооружениями региона. Царбей Бжания зафиксировал расположение храма Киачныха (датируется им IX–X вв.) в непосредственной близости от трассы Великой Абхазской стены, между поселками Чегем и Бакькан. В этом районе к югу от стены им были обнаружены остатки древней мостовой из тесаных известняковых булыжников, что подтверждает статус данной местности как благоустроенного транспортного узла в период Средневековья [Бжания, 1973, с. 11, прим. 2].

АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ТИПОЛОГИЯ ХРАМА

Киачский храм, представлявший собой некогда монументальное сооружение[2], дошел до нашего времени в руинирован-

[2] Сравнительный анализ метрических данных памятника выявляет существенные расхождения в данных о его площади. При внешних габаритах 24 × 16,5 м, приводимых в ряде исследовательских работ (см. ниже), общая площадь застройки составляет 396 м². В то же время, если исходить из параметров 17,5 × 16,5 м, которые мы встречаем у других авторов (см. ниже), площадь объекта сокращается до 288,75 м². В каталоге «Позднеантичные и

ном состоянии (восточная, западная и северная стены храма сохранились до уровня сводов). Согласно сведениям И. Адзинба, впервые описавшего объект по результатам натурного осмотра в ноябре 1939 г., в тот период практически полностью сохранялась восточная стена, тогда как остальные участки кладки находились в значительно худшем состоянии [Адзинба, 1958, с. 91]. К сегодняшнему дню степень сохранности памятника снизилась: южная стена сооружения разрушена полностью.

Храм атрибутируется как трехнефная базилика с изолированными нефами и тремя не выраженными снаружи апсидами (тип *cloisonnée*) [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 155]. Согласно типологии Л. Рчеулишвили, такой архитектурный тип представлен в Абхазии узкой группой памятников, в которую также входят храмы в Старой Гагре, Амбаре (Мюссера) и крепости Аба-Анта (Лыхны) [Рчеулишвили, 1978, с. 23]. При этом исследователь полагал, что Киачский храм является наиболее поздним образцом названного архитектурного стиля [Рчеулишвили, 1988, с. 75–76]. По своему прямоугольному плану объект обнаруживает

средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья» указана площадь около 289 м² [Требелева, Саканиа и др., 2024, с. 23–24]. При такой фиксации площади (что соответствует расчетным параметрам 17,5 × 16,5 м) авторы того же издания в качестве линейных размеров базилики приводят цифры 24 × 16,5 м. Данное несоответствие между указанными габаритами и итоговой площадью в тексте каталога свидетельствует о технической ошибке или использовании при описании объекта невыверенных данных.

Если говорить о вместимости Киачской базилики, при общей площади застройки 396 м² полезная площадь интерьера (за вычетом толщины стен и алтарной части) оценивается примерно в 277 м². В этом случае средняя вместимость храма составляет ок. 500 человек (из расчета 2 чел./м²), а в дни больших церковных праздников при максимальном заполнении (4 чел./м²) здание могло вмещать до 1000 человек. Такие показатели ставят Киач в один ряд с крупнейшими храмами периода Абхазского царства. При варианте площади 288,75 м² (соответствующем размерам 17,5 × 16,5 м) полезная площадь сокращается до 190–200 м². При таких параметрах средняя вместимость составляет 380–400 человек, а максимальная – до 800 человек.

наибольшее сходство с церковью в Амбаре [Адзинба, 1958, с. 90; Хрушкова, 2015, с. 130]. Последний расположен на побережье в пос. Мюссера Гудаутского района (ранее территория с. Мгудзырхуа). По мнению А.Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого, сходства двух этих храмов, которые видны в таких уникальных чертах, как устройство укороченной платформы в южном нефе и система прохода в западный компартимент северного нефа, допускают вероятность, что «Киачский храм является упрощенной (без нартекса и хор) копией перестроенной Мюссерской базилики» [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 156].

В историографии Киачский храм представлен как элемент единого ансамбля (включающего башню и ограду) – в работе В. Пачулиа [Пачулиа, 1968, с. 94]. Позднее Ю.Н. Воронов дополнил эти сведения, зафиксировав руины прилегающего прямоугольного строения [Воронов, 1977, с. 33]. Наиболее полная графическая фиксация памятника была выполнена В.А. Логиновым и В. Касландзия по результатам натурных изысканий 1983 г.; на представленном ими плане впервые отображены фундаменты прямоугольной западной пристройки [Логинов, Касландзия, 1988, с. 54, рис. 2].

На сегодня исследователи располагают несколькими планами Киачского храма. Первый из них был выполнен, по всей видимости, Ю.Н. Вороновым (рис. 2, *1*) на основе его собственных натурных измерений [Воронов, 1977, рис. 15.2]. Второй план, который до настоящего времени сохраняет статус базового в специальной литературе, был подготовлен Л. Рчеулишвили (рис. 2, *2, 3*) [Рчеулишвили, 1978, с. 24; Рчеулишвили, 1988, с. 75]. Наконец, наиболее полная графическая фиксация памятника, как мы уже отметили выше, осуществлена В. А. Логиновым и В. Касландзия; на их чертеже впервые отображены фундаменты прямоугольной западной пристройки (рис. 2, *4*) [Логинов, Касландзия, 1988, с. 54, рис. 2]. Следует отметить, что на плане Л. Рчеулишвили, опубликованном в 1978 г., также зафиксирова-

ны начальные участки южной и северной стен все той же западной пристройки (рис. 2, *2*).

В историографии Киачской базилики в определении ее размеров наблюдаются значительные расхождения. И. Адзинба, выполнивший первичный обмер храма, зафиксировал параметры 17,5 × 16,5 м [Адзинба, 1958, с. 90]; впоследствии эти данные были транслированы в ряде работ, включая исследование Л.Г. Хрушковой [Хрушкова, 2015, с. 130]. Иные результаты измерений – 24 × 16,5 м – приводят А.Ю. Виноградов и Д.В. Белецкий, основываясь, вероятно, на масштабированном плане Л. Рчеулишвили [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 155]. Аналогичные показатели содержатся и в коллективном каталоге «Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья» [Требелева, Сакания и др., 2024, с. 23–24].

Столь существенное расхождение в показателе длины сооружения обусловлено объективными трудностями полевых работ: из-за сильного снегопада И. Адзинба не смог верифицировать наличие западного притвора, что привело, очевидно, к исключению его площади из общих замеров памятника.

Что касается конструктивных особенностей Киачского храма, основной его корпус возведен из тесаного известнякового туфа (травертина) местного происхождения. И. Адзинба удалось зафиксировать все три локации добычи этого камня, использованного при строительстве данного объекта [Адзинба, 1958, с. 90]. Толщина стен составляет около 1 м. В строительной технике отмечено сочетание каменной кладки с кирпичными (плинфяными) элементами в арочных перемычках дверных проемов. Храм был покрыт черепицей (длина – 40 см, толщина – 2 см, высота бортика – 6 см) [Адзинба, 1958, с. 91].

В историографии мнения относительно отделки интерьера и фасадов храма разделились. И. Адзинба полагал, что здание не имело штукатурного слоя ни снаружи, ни внутри [Адзинба, 1958,

с. 91]. Противоположную точку зрения высказывал Ю.Н. Воронов, указав на наличие в прошлом штукатурки с фрагментами «яркой фресковой росписи», однако без приведения конкретных находок, подтверждающих данную гипотезу [Воронов, 1977, с. 33].

Натурные исследования 2016 г. внесли уточнения в представление о внутреннем устройстве храма. Обнаруженная белокаменная деталь (предположительно – основание арки) позволила Е.Ю. Ендольцевой сделать вывод о существовании в интерьере алтарной преграды [Ендольцева, 2020, с. 319–320].

В конструкции сводов храма применялись голосники – специальные керамические сосуды, служившие для улучшения акустики и облегчения веса перекрытий. Несмотря на то что сами своды к настоящему времени утрачены, фрагменты такой керамики были зафиксированы в завалах внутри здания [Требелева, Саканиа и др., 2024, с. 23–24].

Важной особенностью интерьера Киачской базилики является повышение уровня пола в восточных частях всех трех нефов. Исследователи А.Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий отмечают, что площадь приподнятого пространства в южной апсиде недостаточна для размещения полноценного алтаря. Это позволяет предположить наличие здесь специфического литургического устройства – вероятно, мощехранилища, что находит прямые аналогии в архитектурном решении Мюссерского храма [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 155].

ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ

В историографии сложились три основные концепции датировки памятника, соответствующие ключевым этапам развития региона: 1) раннесредневековая (VI–VII вв.) – эпоха становления христианства; 2) эпоха Абхазского царства (VIII–X вв.) – период правления династии Леонидов; 3) позднеабхазская (XI в.) – период правления абхазской ветви Багратидов.

Анализ научной литературы демонстрирует отсутствие консенсуса даже в трудах одних и тех же авторов. И. Бердзенишвили в последних работах относит сооружение к раннехристианскому периоду (VI–VII вв.) [Бердзенишвили, 2010, с. 317–324], хотя ранее он же датировал Киачский храм VIII–IX вв. [Бердзенишвили, 2006, с. 12]. Л. Рчеулишвили первоначально сближал памятник с базиликой в Амбара, датируя их оба по стилистическим признакам VII–VIII вв. [Рчеулишвили, 1978, с. 23]. Однако в последующей публикации исследователь сместил хронологические рамки к VIII–X вв. [Рчеулишвили, 1988, с. 75–76]. А.Ю. Виноградов и Д.В. Белецкий подчеркивают, что автор так и не предложил точной датировки [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 156].

Составители каталога «Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья», опираясь на специфику строительных материалов – использование тонкого кирпича (плинфы) (3,5 см) и раствора с низким содержанием песка, – обосновывают принадлежность Киачского храма к VII в.

Согласно этой гипотезе, первоначальное ядро храма было однонефным. Боковые же нефы рассматриваются как вторичные пристройки периода Абхазского царства, на что указывают два ключевых архитектурных признака: отсутствие конструктивной перевязи между кладкой основного объема и боковых частей; наличие «фасадных» окон, оказавшихся во внутреннем пространстве между нефами после расширения здания [Требелева, Саканиа и др., 2024, с. 24].

Важное уточнение: сведения о толщине кирпича в 3,5 см приводятся исключительно в названном каталоге. В работах остальных исследователей зафиксированы иные параметры – 5-6 см, что является существенным расхождением для атрибуции памятника.

Ряд исследователей связывает строительство Киачской базилики с периодом существования Абхазского царства. Так, Ц.

Бжания датирует памятник IX–X вв. [Бжания, 1973, с. 11], между тем, А.Ю. Виноградов и Д.В. Белецкий уточняют это время до последней трети X в. (ок. 970 г.). Свою позицию последние авторы аргументируют использованием в арочных перекрытиях дверей кирпича (33 × 26 × 5–6 см), который в абхазской архитектуре встречается преимущественно до 1000 г. Сходство формата кирпича и специфических планировочных черт (устройство укороченной платформы в южном нефе и система прохода в северный неф) позволяют авторам рассматривать Киачский храм как упрощенную копию перестроенной Мюссерской базилики (рис. 3, *1*, *2*) [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 156].

Однако версия о строительстве храма в конце X в. вступает в противоречие с датировкой предметов церковной утвари Киачской базилики, которую Г. Чубинашвили относил к середине X в. (см. ниже). Пытаясь разрешить эту коллизию, А.Ю. Виноградов и Д.В. Белецкий допускают возможность более позднего происхождения предметов: «В своем анализе этих предметов Чубинашвили указал им стилистические аналоги в рамках как X, так и XI в., так что они могут быть и вкладом Георгия II (1072-1089)» [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 155]. Такой аргумент представляется нам недостаточно убедительным и требует дополнительной верификации.

Согласно выводам Е.Ю. Ендольцевой, стилистические и иконографические особенности обнаруженного в храме фрагмента (предположительно – основание арки алтарной преграды) позволяют датировать его X–XI вв., что косвенно подтверждает постройку памятника в этот хронологический отрезок [Ендольцева, 2020, с. 319–320].

Наконец, ряд исследователей относят возведение Киачской базилики к XI в. Если в работе В.А. Логинова и В. Касландзия эта датировка приводится без какой-либо аргументации [Логинов, Касландзия, 1988, с. 51], то Л.Г. Хрушкова обосновывает ее морфологическими особенностями памятника. В частности,

она указывает на асимметрию боковых компартиментов и специфическую структуру опор – три пары пилястр с двумя выступами, которые рассматриваются как характерный датирующий признак. Проводя типологические аналогии с храмами в Айлага-Абыку (X в.) и Герзеуле (XI–XII вв.), Л.Г. Хрушкова локализует время строительства Киачского храма в пределах XI в. При этом исследователь подчеркивает предварительный характер такой хронологии и необходимость проведения полномасштабных археологических изысканий для ее окончательного подтверждения [Хрушкова, 2015, с. 130].

Окончательная верификация хронологии Киачского храма невозможна без проведения комплексных археологических исследований. Тем не менее, если датировка предметов церковной утвари, происходящих из этого памятника (рипиды, кадила и фрагменты потира), признается верной (см. ниже), можно предположить, что к середине X в. базилика уже была возведена и функционировала. Таким образом, наличие литургических предметов данного периода выступает в качестве *terminus ante quem* (конечной даты) для определения времени строительства объекта.

НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЕ РАСКОПКИ

В течение XX столетия территория Киачского храма неоднократно подвергалась несанкционированным раскопкам, что нанесло урон его стратиграфии и погребальному инвентарю. Первый случай разграбления относится к 1908–1910 гг. Согласно данным И. Адзинба, в этот период «кладоискателями» был разорен погребальный склеп, расположенный в 150–200 м к северу от базилики [Адзинба, 1958, с. 92].

Второй масштабный инцидент произошел в ходе лесозаготовительных работ в 1969 г. По свидетельству Сандра Сангулия, при поиске артефактов на территории памятника применялась

тяжелая дорожная техника. В районе произрастания вековой липы была вскрыта и впоследствии разрушена гробница, сооруженная из известняковых плит на известковом растворе. Внутри находилось нетронутое захоронение, сопровождаемое керамическим инвентарем. Наиболее примечательной находкой являлся набор из четырех кувшинов у изголовья погребенного, вложенных один в другой (сосуды были фрагментированы в процессе извлечения). Несмотря на призыв С. Сангулия к научному сообществу о необходимости спасательных работ, полноценного археологического обследования объекта в тот период проведено не было [Сангулиа, 1969, с. 93].

Сведения о несанкционированных работах конца 1960-х гг. получили подтверждение в ходе нашей экспедиции в августе 2005 г. Согласно показаниям информанта Шоты Каджая, в указанный период со стороны храмовой горы был слышен взрыв, после чего зафиксирован отход группы из семи человек. Вероятно, респондент допустил незначительную ошибку в датировке (указав 1968 г.), и речь идет о тех же событиях 1969 г., которые описывал С. Сангулия.

Труднодоступность и высокогорное расположение Киачского храма предопределили его слабую археологическую изученность. На сегодня научный потенциал памятника остается нереализованным, а ключевые вопросы его истории – дискуссионными. Как мы уже отметили, только проведение планомерных стационарных раскопок позволит верифицировать ранние этапы функционирования храмового комплекса и получить надежные стратиграфические данные для уточнения его хронологии.

ХРАМ В НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ И ФОЛЬКЛОРЕ

В XVI–XVIII вв. на фоне ослабления церковных институтов в Абхазии и утверждения османского влияния на побережье Черного моря, Киачский храм пришел в запустение. Утратив

свои прямые функции, он сохранился в народной памяти как объект устных преданий, которые были зафиксированы исследователями лишь в XX столетии. Так, И. Адзинба сообщает, что местность «Кеч» была заселена представителями фамилии «Кечевых (Кечаа, Киачаа)», однако, по его мнению, строителями храма они не являлись. Исследователь приводит легенду, приписывающую возведение сооружения представителям родов Когония и Взаркая. Согласно преданию, стены храма неоднократно обрушались, и строители, по совету старейшин, принесли в жертву своих незамужних сестер: богато разодев девушек, их замуровали в фундаменте под углами здания. Лишь после этого строительство было благополучно завершено [Адзинба, 1958, с. 91].

Очевидно, что с точки зрения хронологии возведения храма данная легенда не имеет исторической основы. Она представляет собой классический фольклорный сюжет о «строительной жертве», характерный для культур многих народов, и является результатом позднейшей мифологизации истории памятника в народном сознании.

И. Адзинба сообщает и о Киачской иконе (*Кеч-ныха*), которая, по его словам, в старину пользовалась большой популярностью среди населения Абжуйской Абхазии. Перед ней совершались ритуальные клятвы и изобличения («заклинания») преступников. Автор также упоминает, что представители фамилии Парлия, проживающие в с. Члоу, совершали в честь этой иконы жертвоприношения [Адзинба, 1958, с. 91].

Уроженец с. Джгярда С. Сангулия в заметке 1969 г. приводит версию легенды, отличную от данных И. Адзинба. Ссылаясь на рассказ родственника (сказитель Маткири Сангулия, прожил 125 лет), автор утверждает, что строителями храма Киачныха являлись представители рода Киач, проживавшие в данной местности. Сюжет о «строительной жертве» в его изложении также связан с этим родом: для упрочения стен в фундаменте

под углами здания были замурованы две девушки из фамилии Киач [Сангулия, 1969, с. 93].

Кроме того, С. Сангулия впервые фиксирует предание о переносе святыни из Киача в с. Елыр. Согласно легенде, однажды летним вечером святыня в виде огненного шара покинула храм и переместилась на юг, опустившись у подножия ольхи в Елыре, где представители рода Киачаа впоследствии возвели для нее новое святилище. С этим событием народная традиция связывает исчезновение воды в местном роднике [Сангулия, 1969, с. 93].

Существенным недостатком работы С. Сангулия является отсутствие должного внимания к архитектурному контексту: автор рассматривает объект исключительно через призму фольклора, игнорируя факт, что речь идет о крупном памятнике средневекового христианского зодчества.

Принципиально иной подход представлен в публикации проф. Г. Амичба. В журнале «Алашара» (1969 г.), непосредственно вслед за заметкой С. Сангулия, он опубликовал статью «Қьачныха аҭоурых ахьтә» («Из истории Кьячской иконы») [Амҷба, 1969, ад. 94–95]. Анализ данной работы будет представлен ниже. Здесь же заметим, что автор отмечает широкое распространение в абхазской среде ритуальных клятв перед святыней Киачныха и фиксирует различные версии ее происхождения. Согласно одним преданиям, святыня (икона) является родовой собственностью фамилии Ашуба (*Ашәаа ирныхан*) и была якобы принесена ими с Северного Кавказа. По другой версии, она принадлежала роду Когония. Сам Г. Амичба допускал, что первоначально святыня была связана с древним абхазским родом Киачаа (*ажәытәтәи аԥсуа жәларҳәыԥ Қьачаа*), известным в литературе как Гечаа [Амҷба, 1969, ад. 95].

Вопросам фольклорных традиций, связанных с Киачским храмом, уделено значительное внимание и в работе В.А. Логинова и В. Касландзия. Исследователи, опираясь на данные И.

Адзинба, подтверждают предание об участии в строительстве храма представителей родов Когония и Взаркая, уточняя написание последней фамилии как Бзаркал. По их сведениям, представители этого рода еще в начале XX в. служили в Кутольской церкви [Логинов, Касландзия, 1988, с. 51].

Несмотря на отсутствие ссылок на источники этих данных, они представляют интерес, так как именно в Кутольской церкви хранилась одна из чтимых икон архангела Гавриила, происходящая из храма Киач. Этот факт в 1912 г. был зафиксирован священником Саввой Кация [Кация, 1912, с. 195–196]. Однако наши изыскания не подтверждают наличия в указанный период священнослужителей по фамилии Бзаркал (Взаркая). Анализ «Отчета Совета Сухумского епархиального церковного братства св. Александра Невского за 1911–1912 гг.», содержащего полный пофамильный список духовенства епархии, выявил имя священника Саввы Кация, тогда как упоминания фамилий Бзаркал или Взаркая в нем отсутствуют [Отчет, 1912, с. 25].

В.А. Логинов и В. Касландзия приводят и альтернативную версию предания, согласно которой строителями храма выступали представители родов Когония и Сакания. В этой вариации сюжета о «замурованном родственнике» жертвой становится дочь Сакания, в чью честь в лощине близ храма было посажено растение, ошибочно идентифицированное авторами как просо [Логинов, Касландзия, 1988, с. 51]. Очевидно, речь идет о дикорастущем луке-порее (*праса*).

Версия об участии рода Сакания и замурованной дочери с 1980-х гг. стала доминирующей в локальной традиции с. Джгярда. Это подтверждается и материалами наших экспедиций (10 ноября 2003 г. и 24 августа 2005 г.): информанты Д. Ашуба и Ш. Каджая воспроизвели именно этот вариант легенды.

Характерно, что оба респондента акцентировали внимание на специфическом растении (луке или чесноке), произрастаю-

щем исключительно в окрестностях объекта и закрепившемся в местной топонимии под названием «*Сақаниа-ԥҳа лԥыш*» (*чеснок дочери Сакания*). Терминологическая вариативность (лук/чеснок) объясняется особенностями перевода абхазского фитонима: речь идет о Луке Кунта (*Allium kunthianum*) – многолетнем дикорастущем съедобном растении. В абхазской лексике оно известно как «ашьхацыш» (букв. *«горный чеснок»*), что обусловлено его характерным чесночным ароматом и вкусовыми качествами.

Приведенные выше данные свидетельствуют о глубокой метаморфозе коллективной памяти, произошедшей после прекращения функционирования храма. Наблюдается резкий контраст между исторической реальностью эпохи расцвета памятника и его восприятием в народном сознании к XX в.

В период своего расцвета Киачский храм представлял собой не только значимый центр христианской культуры, но и объект государственного попечения. Сложность архитектурных решений, наличие дорогостоящей церковной утвари, вложенной абхазскими царями, указывают на высокий статус памятника в церковно-административной системе средневекового Абхазского царства. Однако с течением веков, по мере деградации церковных институтов, восприятие храма в местной среде подверглось существенной примитивизации. Институциональная история была замещена фольклорным субстратом: место реальных исторических ктиторов и просветителей заняли персонажи легенд о «замурованной жертве». Таким образом, сложный культурно-религиозный ландшафт сузился до рамок локального предания, в котором единственным связующим звеном между прошлым и настоящим стали мифологемы и элементы народной ботаники, утратившие связь с первоначальными христианскими смыслами памятника.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ И ЭПИГРАФИКА

Переходя к анализу исторических сведений о Киачском храме, следует отметить крайнюю скудость доступных данных. Сегодня исследователи не располагают нарративными или иными письменными источниками, которые бы непосредственно освещали этапы строительства или функционирования памятника в период Средневековья. За исключением двух эпиграфических памятников на предметах литургической утвари (рассматриваемых ниже), практически все доступные сведения относятся к исследованиям и фиксациям XX столетия.

Специфика географического расположения объекта в труднодоступной высокогорной местности привела к тому, что в XVIII–XIX вв. он оставался вне поля зрения путешественников и ученых. В историографии существует гипотеза, высказанная Сурамом Сакания, о возможной идентификации памятника с монастырем во имя св. Михаила (архангела?), упоминаемым в сочинении Арканджело Ламберти XVII в. [Саканиа, 1988, с. 16–17; см. также: Ендольцева, 2020, с. 317].

Большой труд итальянского миссионера, префекта одесской миссии теотинцев (ранее ошибочно называемого доминиканцем) Арканджело Ламберти «Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией» (Неаполь, 1654) является ценнейшим источником по истории Восточного побережья Черного моря. Автор провел в Мегрелии восемнадцать лет (в 1633–1650-х гг.), собирая уникальные этнографические и топографические данные. Однако на текущем этапе наших исследований верифицировать упоминание Киачского храма в тексте А. Ламберти не представляется возможным: прямые указания на данный объект в работе миссионера пока нами не обнаружены.

Привлекают внимание и сведения из «Книги путешествий» («Сейяхатнаме») османского автора XVII в. Эвлии Челеби (его мать была абхазкой). Описывая субэтносы народа «абаза», Че-

леби называет и «племя Кеч» [Челеби, 2023, с. 64], локализуя его в плодородной местности вблизи судоходной реки Пишу (предположительно Псоу). По данным автора, речь идет о многочисленном (70 сел) и воинственном сообществе (до 10 тыс. воинов), обладавшем значительными ресурсами и развитым садоводством [Челеби, 2023, с. 82][3].

В современной исторической науке названная группа отождествляется с абхазским родом Гечаа (Гечба), исконно проживавшим в районе Гячрыпща (совр. граница Республики Абхазия и РФ) до депортации в Османскую империю. Г. Амичба высказывал гипотезу о тождестве древнего рода Киачаа с известным в литературе родом Гечаа [Амичба, 1969, с. 95]. Вопрос о генетической связи между западными группами Гечаа и фамилией Киачаа, а также их возможная роль в строительстве и патронаже храма Киачныха остаются открытыми и требуют дальнейшего комплексного исследования.

В опубликованном в 1959 г. фундаментальном труде Георгия Чубинашвили «Грузинское чеканное искусство» приводятся сведения о ряде предметов литургической утвари, происходящих из церкви села Обуджи (Цаленджихский район, Мегрелия; примерно в 23 км от Зугдиди). Артефакты первоначально являлись вкладами в Киачский храм и были перемещены позднее.

---

[3] «Их область плодородна и подобна саду Ирема. Здесь семьдесят сёл. Они имеют две тысячи стрелков из ружей. Имя их *бега* ... У них имеются воды жизни. Здесь есть большая река под названием Пишу, в неё заходят суда. Она стекает с горы Эльбурз и здесь впадает в Чёрное море. Это такая вода жизни, что даже в месяце июле через неё нельзя переправиться. Это безопасное место, зимой здесь стоят суда. От племени Кеч до этого места оба берега этой реки представляют собой сады Ирема, здесь сами собой растут разнообразные плоды. У этих Кечей десять тысяч воинов, большинство из них всадники. Это большой народ, они очень богатые разбойники. Мы гостили у этого племени в доме одного Абаза по имени Зепраха в селении Хавка. Для всех наших спутников-*янычар* он зарезал десять овец и устроил угощение. Мы насытились и утолили голод *сазбалем*, *шылхарчы* и *пасте*. Отсюда в двух переходах снова на запад» [Эвлия Челеби, 2023, с. 82].

Первым среди этих предметов описывается серебряная рипида[4] с частичной позолотой, содержащая надпись исторического характера на унциальном письме асомтаврули (рис. 4, *1*, *2*, *3*, *4*) [Чубинашвили, 1959, т. 2, илл. 22, 23, 24]. Согласно Г. Чубинашвили, ранее эта рипида была подробно описана Еквтиме Такайшвили в работе «Археологические экскурсии и заметки», изданной на грузинском языке в 1913 г. [Такайшвили, 1913, с. 238–240]. Текст надписи в переводе на французский язык был опубликован еще раньше М. Броссе (Voy., IX, 9). С 1923 г. предмет находится в Зугдидском историко-этнографическом музее (инв. № 525, старый № 226).

Далее Г. Чубинашвили цитирует Е. Такайшвили, отмечая, что еще в конце XIX в. рассматриваемая рипида пользовалась «большой славой и почетом в Мингрелии. Ее считали за святыню (“хати”) большой силы и при разборе выдающихся дел заставляли свидетелей приносить на ней присягу» [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 137–138].

Аналогичное сакральное отношение к рипиде как к святыне (*аныха*) сохранялось и в абхазской традиции.

Вопрос этимологии термина *аныха* является дискуссионным. Если Д. Гулиа видел в нем заимствование из грузинского ხატი (*хати*) – образ, икона [Гулиа, 1986, с. 201], то современные лингвистические исследования указывают на генетическую связь абхазской основы с осетинским (аланским) *ныхас* [Джонуа, 2004, с. 428].

---

[4] Рипи́да (от греч. *ριπίδιον*, веер) – богослужебный предмет в виде металлического круга или многогранника с изображением шестикрылого Серафима, закрепленного на длинной рукояти. Рипиды употребляются при совершении таинства Евхаристии с глубокой древности. Изначально они имели практическое назначение (отгонять насекомых от Святых Даров), но со временем приобрели символический смысл, изображая присутствие Небесных Сил у Престола. В современной практике используются диаконами и иподиаконами для осенения Святых Даров во время Анафоры, а также в архиерейских богослужениях и крестных ходах.

В современной абхазской лексике термин *аныха* полисемантичен и включает значения «святыня», «икона» и «церковь». Последнее значение подтверждается топонимикой: *Ахаш-ных(а)* («каменная церковь») или *Айтарных(а)* (церковь св. Теодора/Феодора). Примечательно, что данная семантическая модель полностью соответствует греческому *ἡ ἐκκλησία* (*ekklesia*), где значение эволюционировало от «собрания народа» (аналог осетинского *ныхас* и адыгского *хасэ*) к литургическому собранию верных и зданию храма.

В контексте «Киачныха» термин, очевидно, прилагался именно к рипиде как к чеканному образу Небесных Сил.

Б. Джонуа связывает корень осетинского слова *ныхас* с **ni-kāśa-* («являться», «сиять», «смотреть»; др.-инд. *kāś*), что коррелирует с абхазскими преданиями о перемещении святынь в виде огненных небесных тел [Джонуа, 2004, с. 428–429]. Отражение этого мотива в устной традиции о Киачском храме было зафиксировано С. Сангулия в 1969 г. (см. выше).

По сообщению Г. Чубинашвили, Е. Такайшвили также опубликовал надпись, размещенную в два столбца у каждого из изображений на четырех кругах, примыкающих к центральному квадрату, одной стороны предмета (рис. 4, *5*, *6*). Основываясь на упоминании в тексте «царя Георгия», Е. Такайшвили датировал рипиду XIV в., относя ее ко времени правления либо Георгия Блистательного (первая половина XIV в.), либо Георгия, царя Имеретинского (конец XIV в.).

Г. Чубинашвили опубликовал текст надписи на рипиде, уточнив разбивку строк и восстановив аббревиатуры под титлами (рис. 4, *7*). В его чтении и переводе текст выглядит следующим образом: «Именем Бога я, царь (*меԥеман*)[5] Георгий, положил эти рипиды в этой святой церкви Киачи (*еклесиаса Қиачс*) в

[5] Для целей филологического анализа ключевые лексемы представленного эпиграфического памятника снабжены в скобках транслитерацией в современной абхазской графике.

моление за мою душу. Священники (*мҷвделно*), когда вы будете совершать жертву Телом и Кровью Христовой, помяните меня в молитве, аминь. Святая Богородица, будь заступницей перед Сыном Твоим и Богом нашим мне, царю Георгию» [Чубинашвили, т. 1, 1959, с. 138].

Сам исследователь отождествлял упомянутого «царя Георгия» с абхазским царем Георгием II, правившим до 957 г.[6], что позволяет датировать предмет серединой X в. [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 138].

Лингвистический анализ фрагмента «еклесиаса Киачс» представляет особый интерес. Наличие флексии *-с (-са)*, являющейся маркером дательного падежа в грузинском языке, свидетельствует, что абхазский топоним *Қьач* (Киач) был интегрирован в текст без фонетических искажений.

На основе анализа надписи можно сделать два существенных вывода: 1) в дар храму была передана именно пара рипид (согласно литургической традиции), что подтверждается употреблением множественного числа; 2) текст содержит древнейшее упоминание Киачского храма, датируемое серединой X в.

В исследовании Г. Чубинашвили представлен детальный иконографический и стилистический анализ Киачской рипиды. Лицевая поверхность предмета (рис. 4, *1*, *2*), включающая центральный квадрат и четыре примыкающих к нему круга, несет единую сюжетную композицию: апокалиптическую группу Тетраморфа, состоящую из ангела (человека), льва, тельца и орла. Композиция дополнена помещенными в боковых кругах над концами крыльев антропоморфными изображениями светил в сиянии (вид *en face*), которые, согласно надписям, идентифицируются как солнце (слева) и луна (справа).

---

[6] Вопросы хронологии правления абхазских царей выходят за рамки данной статьи (подробно см.: [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 88]). Периодизация правления Георгия II приводится в соответствии с датировкой самого Г. Чубинашвили.

Внешний контур изделия, помимо парного жгута, обрамлен орнаментом, характерным для художественного металла X–XI вв. Такой тип узора представляет собой переходную форму от строгой геометрической структуры к растительной стилизации. Дополнительным декоративным элементом служит ряд полусферических «пуговок», расположенных между двойным жгутом в каждом кружке.

Особого внимания заслуживает техника обработки фона: все поле внутри центрального квадрата и боковых кругов покрыто чешуйчатым узором, выполненным точечным наколом с концентрическим кружком в центре каждого элемента. Этот же декоративный прием использован мастером для передачи фактуры оперения в верхних частях крыльев [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 138].

Иконографическая программа рипиды восходит к двум ключевым библейским текстам. В видении пророка Иезекииля (1:4–28) описывается теофаническое явление: четыре крылатых существа (тетраморф) с четырьмя ликами (человек, лев, телец и орел) поддерживают Божественный престол. Позднее, в Откровении Иоанна Богослова, тетраморф трансформируется в образ четырех отдельных апокалиптических существ (Откр. 4:6–8). В христианской традиции эти образы закрепились как символы евангелистов и различных граней земного служения Христа: Матфея (человек), Марка (лев), Луки (телец) и Иоанна (орел).

Особое значение для понимания феноменологии святыни «Киачныха» имеет именно пророчество Иезекииля. Описание огненной теофании у пророка обнаруживает примечательные параллели с абхазскими преданиями о перемещении святынь (*аныха*) в виде «клубящегося огня» или «огненного шара».

Иезекииль описывает явление Славы Господней как динамическую огненную субстанцию: «...Надвигается буря, огромная туча, пронизанная огнем. Сияние окружает ее. А там, внутри огня – словно бы янтарь; там виднелись очертания четырех существ <…>. Фигуры существ были подобны раскаленным углям

в пламени, они пылали, словно факелы <…>. Сверкал огонь, из него вырывались молнии. И сами существа неслись и метались, подобно молниям» (Иез. 1:4–14).

В контексте исследования «Киачныха» библейская цитата служит ключом к интерпретации не только иконографии чеканной рипиды, изображающей Небесные Силы, но и народных верований. Световая природа библейских существ – «пылающих как факелы» и «метающихся как молнии», – находит прямое отражение в семантике корня **ni-kāśa-* («сиять», «являться»), к которому возводится термин *аныха* [Джонуа, 2004, с. 428–429]. Таким образом, рипида с изображением Тетраморфа выступала не просто литургическим предметом, но и визуальным воплощением самой природы святыни, чье перемещение в пространстве в народном сознании наделялось огненными, световыми характеристиками, тождественными библейскому видению.

Анализируя включение антропоморфных изображений солнца и луны в композицию лицевой стороны рипиды, Г. Чубинашвили указывает на отсутствие прямой обусловленности данных элементов священными текстами. По мнению исследователя, их появление продиктовано прежде всего композиционными задачами: необходимостью заполнения пустующих полей и создания декоративной связки между тремя верхними кругами. Подобное решение подчеркивает строго симметричное построение рипиды и свидетельствует о стремлении мастера к гармоничному распределению визуальных акцентов в пространстве изделия [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 139].

Оборотная сторона Киачской рипиды (Е. Такайшвили ее ошибочно принимал за лицевую) обладает сложной композиционной структурой, сочетающей изобразительные элементы с пространной посвятительной надписью. Текст структурирован в восемь столбцов: по два столбца у каждого из изображений на четырех кругах, примыкающих к центральному сегменту композиции (рис. 4, *3*, *4*, *5*, *6*).

В центральном секторе оборотной стороны рипиды, в круге с орнаментальным обрамлением в виде «пуговок», на гладком фоне продублирована композиция лицевой стороны – Тетраморф, сопровождаемый пояснительной надписью: «Святой Херувим». В примыкающих к центру четырех кругах представлены стоящие *en face* фигуры Небесных Сил и Богородицы: в верхнем – архангел Рафаил, в левом – архангел Михаил и в правом – архангел Гавриил (по указанию Г. Чубинашвили, именам архангелов предшествует эпитет «святой»). В нижнем же круге изображена Богоматерь (с подписью «Святая Мария») в полный рост в традиционном одеянии, с молитвенно развернутыми перед грудью ладонями (жест Оранты).

По сторонам каждой из фигур в верхней части расположены идентифицирующие надписи, подчеркнутые горизонтальной линией на всю длину слова. Непосредственно под этими линиями, симметрично распределенная в два столбца по сторонам фигур во всех четырех кругах, размещена вышеупомянутая историческая надпись царя Георгия.

Комментируя иконографическую программу, Г. Чубинашвили отмечает необычность включения фигуры Богоматери в один ряд с именованными архангелами. Однако исследователь полагает, что такое решение находит логическое обоснование в структуре самого донаторского текста, финальная часть которого представляет собой прямое молитвенное обращение к Богородице о заступничестве за царя Георгия [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 140].

В работе Г. Чубинашвили также представлен детальный анализ техники изготовления Киачской рипиды. Конструктивно изделие состоит из двух серебряных пластин (лицевой и оборотной), соединенных по периметру узким незолоченым серебряным ободком (шириной и высотой около 2 мм), фиксирующим края обеих сторон. Суммарная толщина пластин у кромки составляет около 1 мм. Дополнительная фиксация листов обеспе-

чивается заклепочными штифтами. На лицевой стороне головки заклепок интегрированы в орнаментальный декор, что делает их практически незаметными. На оборотной стороне штифты, расположенные на гладком фоне, выступают в виде точек, обрамленных двумя или тремя концентрическими кругами; в орнаментированных зонах оборота они также скрыты элементами узора [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 141].

Что касается метрических параметров и сохранности Киачской рипиды Г. Чубинашвили указывает следующее: ширина – 35,3 см, высота (без рукояти) – 35,6 см. Рукоять – серебряная, длиной 7 см (является поздним дополнением, приклепанным к нижнему краю изделия). Памятник несет на себе следы неоднократных ремонтов. В частности, на левом (с лицевой стороны) полукружии зафиксированы серебряные накладки, укрепляющие края пластин в верхней и нижней частях. В этом же секторе по линии внутреннего кольца с «пуговками» с обеих сторон закреплены две серебряные полосы, обеспечивающие конструктивную жесткость предмета [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 141].

Вслед за описанием Киачской рипиды Г. Чубинашвили вводит в научный оборот второй артефакт из Обуджской церкви – фрагменты расчлененного серебряного потира (литургическая чаша). Данные фрагменты были использованы в качестве декоративных накладок для отделки грубой теки (футляр), в которой хранилась упомянутая рипида (рис. 5, *1*, *2*, *3*, *4*) [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 145–148; т. 2, илл. 25, 21].

Первые сведения о теке содержатся в работе Е. Такаишвили [Такаишвили, 1913, с. 238–240][7]. Г. Чубинашвили, опираясь на натурные исследования, корректирует данные предшественника относительно габаритов футляра: фактические размеры составляют 41 х 39 см (высота с учетом шипа – 47 см), в

[7] В тексте Г. Чубинашвили встречается расхождение в датировке работы Е. Такаишвили (1913 и 1914 гг.), что, вероятно, является технической ошибкой.

то время как у Е. Такаишвили указаны заниженные параметры (36,5 х 35 см).

На крышке и бортах теки зафиксированы разрозненные чеканные пластины в виде узких полос с аркатурой, под пролетами которой размещены ростовые фигуры. Согласно описанию исследователя, сохранилось 14 изображений: семь полос (с одной или двумя фигурами) закреплены на створках дверец; две пластины с двумя изображениями помещены на верхнем борту.

Иконографический анализ позволяет идентифицировать следующие образы: Христос Пантократор с благословляющим жестом и свитком; Архангелы Михаил и Гавриил (Михаил представлен с чашей в руках); Богоматерь в позе Оранты (размещена на верхнем борту); апостольский ряд: выделяются фигуры первоверховного апостола Петра (с ключами и книгой) и стоящая рядом с ним фигура с кадилом и книгой (надпись утрачена); шесть апостолов представлены с книгой (в том числе Петр), а три – со свитком в руке.

Г. Чубинашвили допускает возможность нехватки еще двух апостольских фигур и отмечает, что такой «набор повторяется на золотом потире, заказанном Багратом III (Баграт II – *о. Дорофей*) и его матерью Гурандухтой ок. 1000 года для храма в Бедиа». Автор особо подчеркивает, что «во всех направлениях замечается аналогия обуджских фрагментов с бедийской чашей» [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 146].

Основываясь на метрических данных сохранившихся пластин (высота наибольшей – 17 см, ширина интерколумния – 4,2 см), исследователь предлагает теоретическую реконструкцию сосуда. Предполагается, что потир из Обуджи превосходил Бедийский по размерам: при наличии 14-16 фигур длина окружности чаши могла составлять 50-60 см, а диаметр – ок. 20 см.

Резюмируя технико-стилистические особенности (характер чеканки, сочетание золоченых и серебряных плоскостей), Г.

Чубинашвили обосновывает идентичность фрагментов чаши и Обуджской рипиды.

«Потому, – пишет исследователь, – мы вправе отнести этот –предположительно разрезанный на части – потир к тому общему вкладу царя Георгия, о котором гласит надпись на рипиде и которого я полагаю нужным идентифицировать с абхазским царем Георгием II, вступившим на престол около 916 г. и умершим в 957 г.» [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 148].

В качестве надлежащей меры по сохранению и изучению памятника Г. Чубинашвили указывает на необходимость демонтажа пластин, перекрытых поздними крепежными полосами, для проведения полноценной научной реставрации и возможной реконструкции первоначального облика литургического сосуда.

Наконец, третий артефакт, происходящий из церкви с. Обуджи и изначально являвшийся вкладом в Киачский храм, представляет собой массивную кадильницу оригинальной формы, выполненную из позолоченного серебра (рис. 6, *1*, *2*, *3*, *4*) [Чубинашвили, 1959, т. 2, илл. 29, 30, 31].

Декор изделия ограничен орнаментальными мотивами; на донце расположена эпиграфическая надпись с молением царя Георгия, аналогичная надписи на Киачской рипиде. Данный памятник, наряду с упомянутой рипидой, с 1923 г. входит в собрание Зугдидского государственного историко-этнографического музея (инв. № 518, старый инв. № 228).

Г. Чубинашвили приводит детальные морфологические характеристики предмета: высота изделия составляет 8 см, диаметр по верхнему краю варьируется от 11,3 см (по выступающим частям) до 8,4 см (в местах сужения). Тулово кадильницы выполнено в технике чеканки из единого листа серебра; в нижней части сформирован кольцевидный поддон (ножка), имеющий в настоящее время значительные деформации.

Внешняя поверхность сосуда, имеющего форму квадрифолия, полностью позолочена. Вследствие бытования позолота на

выступающих элементах рельефа потерта, однако она сохранилась в углублениях фона. Автор отмечает, что оттенок золочения здесь более бледный в сравнении с палитрой Киачской рипиды.

Относительно декоративной программы кадильницы Г. Чубинашвили отмечает следующее: «Четыре раза повторен один и тот же узор, состоящий из своеобразного листика или цветка в обрамлении арочным орнаментальным мотивом, примененным как на рипиде, так и на фрагментах потира; другой узор повторяется во всех четырех западинках между выступающими полукружиями, а еще один на ножке всей кадильницы, на наружной ее стороне, под каждым из полукружий: два последних узорных мотива даны едва подымающимися гладкими поверхностями условного орнаментального образования над испещренным мелкими ударами пунсона фоном. Донышко кадильницы, представляющее правильный круг, окаймленный ее ножкой, украшено тонко гравированным центрального построения узором» [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 148].

Эпиграфика памятника представлена вкладной надписью, выполненной в технике гравировки унциальным письмом асомтаврули. Текст расположен по внешнему краю донца, параллельно линии поддона (ножки). Согласно чтению Г. Чубинашвили, надпись содержит формулу моления и в переводе на русский язык гласит: «† Святая церковь, будь мне, царю Георгию, помощницей (заступницей – *о. Дорофей*) перед Господом» [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 148][8].

Сохранность артефакта характеризуется частичной утратой первоначальных элементов крепления: из оригинальных мас-

---

[8] Здесь приведу текст надписи в оригинальном начертании, в транслитерации современным грузинским шрифтом и абхазской графикой:

•Асомтаврули: † Ⴔ˜Ⴓ ᲒᲔᲦᲒᲘᲪᲘᲐ ᲛᲒᲘᲐᲜ ᲛᲒᲜᲔᲦ ᲛᲒ Ⴒ˜Ი ᲛᲒᲠᲒᲘᲜᲔ Ⴔ˜Გ Ⴓ˜ᲘᲜᲔ

•Мхедрули: † წ˜ო ეკლესიაო მეოს მეყავ მე გ˜ი მეფესა წ˜ე ო˜ისა

•Транслитерация на абхазском: † ц~о еклесиао меос меḱав ме г~и мецеса ц~е о~иси.

сивных ушек для подвеса сохранились лишь два. В местах утрат в корпусе проделаны вторичные отверстия, в которые пропущены звенья цепей.

Подвесная система состоит из четырех серебряных цепей (без золочения) длиной ок. 50 см каждая. В центральной части каждой цепи в качестве декоративного звена вмонтирован гладкий серебряный крест слегка вытянутых пропорций. В верхней точке цепи сведены к навершию («ручке»), имеющему форму куполообразной крышечки с центральным ушком. Первоначальное кольцо для удержания прибора в данном ушке не сохранилось.

Особого внимания заслуживает конструкция памятника: у кадильницы изначально отсутствует подвесная крышка, закрывающая чашу. Данная морфологическая особенность, по мнению Г. Чубинашвили, отличает этот ранний образец от более поздних кадильниц закрытого типа.

Подводя итог описанию кадильницы из Обуджи, Г. Чубинашвили подчеркивает исключительную научную значимость артефакта, обусловленную как его оригинальной морфологией, так и спецификой декоративной программы. Особого внимания заслуживает орнаментация донца – детали, функционально скрытой от постоянного обзора.

По мнению исследователя, решение украсить основание сосуда было продиктовано необходимостью размещения здесь ктиторской надписи, композиционное введение которой по верхнему борту представлялось технически невозможным. Данная кадильница, наряду с рипидой и потиром, входила в состав драгоценного вклада абхазского царя Георгия II (ок. 916–957) [Чубинашвили, 1959, т. 1, с. 148].

Спустя десятилетие после выхода исследования Г. Чубинашвили, в 1969 г., в журнале «Алашара» была опубликована статья Георгия Амичба «Қьачныха аҭоурых ахьтә» («Из истории Кьячской иконы») [Амҷба, 1969, ад. 94–95; см. также: Амҷба,

1977, ад. 41–42; Амҷба, 2004, ад. 183–185]. В этой работе автор освещает обстоятельства перемещения церковной утвари из Киачского храма в Западную Грузию. Основная цель публикации Г. Амичба заключалась в ознакомлении абхазоязычного читателя с положениями статьи Акакия Топурия «Относительно псевдонима Киачели», ранее вышедшей в журнале «Мнатоби» (Тбилиси, 1967, № 7).

Г. Амичба указывает, что этимология псевдонима известного грузинского писателя Лео Киачели (настоящая фамилия Шенгелая, 1884–1963) в литературоведческой среде долгое время оставалась невыясненной. Согласно филологическому анализу А. Топурия, формант *-ели* в фамилии «Киачели» является грузинским суффиксом происхождения, что предполагает наличие топонимической основы «Киач». Однако факт, что писатель родился в с. Обуджи (ныне Цаленджихский муниципалитет, Грузия), на первый взгляд вносил противоречие в данную гипотезу.

В ходе дальнейших изысканий А. Топурия установил, что в Мегрелии издревле почиталась Киачская икона (речь идет о рипиде), хранившаяся именно в церкви с. Обуджи. Святыня пользовалась исключительным авторитетом у местного населения; ей приписывали сакральную силу, вызывавшую благоговейный трепет у верующих.

В вопросах описания и датировки Киачской иконы (рипиды) А. Топурия основывается на сведениях Е. Такаишвили. Следует констатировать, что ни А. Топурия, ни Г. Амичба не учитывали результаты исследования Г. Чубинашвили. Между тем последний, как было отмечено выше, указал на ряд фактических и интерпретационных ошибок в работе Е. Такаишвили.

Главный вопрос, вызывавший интерес у Г. Амичба, заключался в том, каким образом эта икона (рипида) попала из Абхазии в Мегрелию. Решение этой задачи А. Топурия основывает на анализе исторического документа 1680 г. и этнографических материалов, зафиксированных С. Какабадзе со слов жителей с. Обуджи.

Согласно данным источникам, Киач – это название древнего абхазского храма, в котором пребывала одноименная святыня – икона (рипида), датируемая XIV в. (период правления Георгия, царя Абхазии и Имеретии).

Однако, судя по стилистическому анализу и упоминанию «царя Георгия», речь идет об абхазском царе Георгии II (X в.). Очевидно, что поздняя датировка основывается на выводах Е. Такаишвили, а не на данных документа 1680 г.

Историко-легендарная канва событий представляется следующей: реликвия была похищена из храма представителем рода Какачия. Позднее один из его потомков совершил ограбление невесты из дворянского рода Шенгелая. Будучи признан виновным и не имея средств для выплаты наложенного судом взыскания, он передал роду Шенгелая Киачскую икону (рипиду) в качестве компенсации.

Данный акт передачи имущества был задокументирован в XVII в. Примечательно, что в качестве свидетеля при составлении документа фигурировал владетельный князь Абхазии Саустан (?) Шервашидзе (Чачба), а заверил акт представитель мегрельской знати Кац Чиковани.

Указанный документ в дальнейшем хранился в личном архиве Лео Киачели. Писатель придавал истории святыни основополагающее значение в контексте своей генеалогии, что и определило выбор его литературного псевдонима. Как отмечает А. Топурия, икона (рипида) перешла от Какачия именно к прямым предкам писателя, которые впоследствии принесли ее в дар церкви с. Обуджи.

«Ҳара агәра ганы ҳазлаҟоу ала, – пишет в завершении Г. Амичба, – Қьач захьӡыз ауахәамагьы аныхагьы Аԥсны акәын иахьыҟаз, уи аԥсуаа ирныҳәарҭан. Ари артцабыргуеит аныха Аԥснытәи ишыргаз атәы зҳәо адокумент. Уиадагьы, иахьанӡа идыруп Цьгьарда аԥыҭан Чагьам аҳаблаҷы игылоу Қьач-абаа; Қьачныха аԥсуаа жәпаԥык иахьагьы ирныкәуеит» [Амҷба, 1969, ад. 95].

Дополнительные сведения, проливающие свет на позднюю историю Киачского храма и бытование его святынь, содержатся в публикации 1912 г. в журнале «Сотрудник Закавказской миссии» (№13). Заметка, посвященная Кутольскому приходу, была составлена на основе рукописных материалов священника Саввы Кация.

В тексте, в частности, сообщалось следующее: «Свято-Георгиевская Квитоульская церковь не имеет особенно достопримечательных икон, утвари и облачений, заслуживающих внимания по своей древности или ценности. Но в ней следует указать особенно почитаемую населением святыню-икону (аныха – *о. Дорофей*) архангела Гавриила, которую местное общество называет “Киачи”. Под этим названием подразумевается жителями прихода особенно чтимое ими “божество”, пред которым они в каждый Новый год производят молебствие; в честь его у каждого домохозяина имеется кувшин с вином, чтобы в означенный торжественный день, по обычаю, открыть этот кувшин, зажечь свечи на его краях, принести жертву и произвести моление во имя Киачи» [Кация, 1912, с. 195–196].

Анализ приведенных свидетельств позволяет констатировать, что в начале XX столетия в возобновленном Свято-Георгиевском храме с. Кутол Очамчырского района (в 1908 г. на месте деревянной постройки здесь было возведено каменное здание) пребывала особо чтимая икона (аныха) Архангела Гавриила. Данный образ либо непосредственно происходил из Киачского храма, либо являлся его списком.

Гипотеза о перемещении названной святыни или расширении ареала ее почитания подтверждается географическим фактором: село Кутол на севере граничит с селом Джгярда, на территории которого локализован исследуемый средневековый памятник.

Во-вторых, рассматриваемое свидетельство содержит принципиально важную фиксацию топонима «Киачи». Данная форма, за вычетом финального гласного *-и*, полностью идентична

именованию, зафиксированному в эпиграфической надписи X в. Этот факт заслуживает особого внимания, так как позволяет проследить устойчивую традицию именования памятника на протяжении тысячелетия. Мы помним, что во многих последующих публикациях, посвященных Киачскому храму, распространение получила иная вариация топонима – «Кеч», которая, на наш взгляд, искажает историческую форму названия, зафиксированную в первоисточниках.

Интерпретация топонима «Киачи» как имени некоего языческого божества представляется либо ошибочным допущением автора заметки, священника С. Кации, либо следствием глубокой трансформации христианства в плоскость народных верований. В абхазской этнографической среде неоднократно фиксировались случаи синкретизма, при которых за именами якобы языческих божеств в действительности стоят христианские святые. Так, в образах божеств *Аиергь*, *Айтар* и *Анапра* отчетливо прослеживаются прототипы святых Георгия, Феодора и Онуфрия соответственно [Чирикба, 2009, с. 99–101].

Такая трансформация, как мы уже отметили, стала происходить после ослабления церковных институтов в Абхазии, начиная с XVI в. Это хорошо наблюдаемый среди многих кавказских народов процесс, характеризуемый в научной литературе как «этнизированное христианство». Типичным проявлением данного феномена является описанный священником С. Кация ритуал в с. Кутол: вскрытие пифоса с вином, зажжение свечей на его горловине, заклание жертвенного животного и произнесение молитв.

Вопрос о причинах проведения моления «Киачи» именно в канун Нового года остается дискуссионным. Логично предположить, что эта дата была привязана к престольному празднику храма Киачныха или дню почитания его главной иконы. Однако из-за отсутствия письменных свидетельств первоначальное посвящение церкви остается неизвестным.

Следует также отметить хронологическое несовпадение: если храмовой иконой действительно являлся образ Архангела Гавриила, то ближайший к новолетию день его церковного поминовения приходится на 8 (21) ноября, что существенно дистанцировано от дат новогоднего цикла.

Архангелов Михаила и Гавриила в абхазской традиции именуют единым собирательным именем *Мқамгариа*, причем в некоторых фольклорных текстах эти образы трансформировались в понятия, совершенно далекие от христианства [Апсуаа рфольклор, 1995, ад. 375].

Касаясь вопроса посвящения храмов на территории Абхазии в честь вышеупомянутых архистратигов, следует отметить, что средневековая церковь в с. Пшап Гулрыпшского района была посвящена архангелу Гавриилу (хотя хронологические рамки возникновения данного посвящения остаются невыясненными). В более поздний период, на рубеже XIX–XX вв., в с. Дурипш Гудаутского района был возведен храм в честь архангела Михаила [Дорофей Дбар, 2024, с. 649–656]. Кроме того, известно, что 6 июня 1883 г. состоялось освящение придела во имя того же архистратига при церкви Покрова Пресвятой Богородицы в г. Новый Афон, построенной в 1876 г. [И.Н., 1899, с. 223].

В фондах Абхазского государственного музея хранятся несколько артефактов XI в., непосредственно связанных с почитанием указанных архистратигов. Первый – это архитектурная деталь из с. Анхуа (инв. № 1938–542), на которой сохранилась надпись на асомтаврули: «Святые архангелы Михаил и Гавриил» (рис. 7, *1*) [Бгажба, 1967, с. 16, рис. 8; Ендольцева, 2019, с. 21]. Второй – бронзовая иконка (размером 4×5,5 см) с изображением архангела Гавриила (рис. 7, *2*, *3*). Справа от архангела представлена фигура коленопреклоненного ктитора, а слева расположена надпись также на асомтаврули – «Святой Гавриил» [Хрушкова, 1976, с. 139–145][9].

[9] Вячеслав Чирикба в работе «Цабалский диалект абхазского языка», перечисляя фамилии цабалцев, проживающих в Турции, указывает и фамилию

Еще одна примечательная находка была сделана Сурамом Саканиа в 2013–2014 гг. в ходе археологической расчистки средневекового храма в с. Кутол. Артефакт представляет собой фрагмент круглого медальона из сланцевой пластины с поясным изображением архангела (вероятно, Михаила) (рис. 7, *4*). Образ выполнен в высокохудожественном византийском стиле: «Архангел изображен в лоратном одеянии: далматике (узкая длинная одежда с широкими рукавами, вышитым оплечьем и подолом) и лоре (широкая длинная полоса ткани, украшенная жемчугом и драгоценными камнями; часть одеяния византийских императоров); в правой руке у архангела находится лабарум (древко с полотнищем) – боевой штандарт императора, символ властных полномочий» [Требелева, Саканиа и др., 2024, с. 29, 163–164, рис. 62, 63].

В одной из своих ранних публикаций исследователь относил изготовление медальона к V–VII вв., однако позднее пересмотрел датировку, определив время создания образа примерно XII в. [Саканиа, 2022, с. 358; Требелева, Саканиа и др., 2024, с. 29].

Габры́йаа (мн. ч.) [Чирикба, 2021, с. 24]. Несмотря на отсутствие прямых данных о генезисе этой фамилии, трудно не заметить ее фонетическое сходство с именем Гавриил (Габриил). Небезосновательными представляются и гипотезы Михаила Джергения относительно связи христианского имени Михаил (Микаэль, ит. вариант – Микеле) с двумя абхазскими аристократическими родами: Миканба/Мканба (дворяне с. Анхуа) и Мкелба/Мкялба (садзский род, от которого происходит название с. Микельрыпшь в Гагрском районе). В случае с фамилией Мканба автор полагает, что финальный согласный «л» в результате типичного фонетического процесса трансформировался в «н». Представляется целесообразным, чтобы М. Джергения оформил данные наблюдения в виде отдельной научной публикации. Однако, на наш взгляд, данная этимология более аргументирована применительно к фамилии Мкелба/Мкялба. В случае с Мканба в качестве основы целесообразнее рассматривать абхазское личное имя *Мкан*. Вышеупомянутый В. Чирикба в другой статье – «Фамилии абхазов Турции: садзские, ахчыпсские, псхувские, цабалские» – в списке садзских фамилий группы халцыс приводит фамилию «Корҵи́йаа», указывая в качестве их патронимов формы «Миқьал иԥацәа» и «Мқьа́лаа // Ԥара-иԥацәа» [Чирикба, 2024, с. 15].

Для выявления генезиса народной традиции почитания архангелов Гавриила и Михаила (*Мқамгариа*) у абхазов необходимо проведение сравнительно-типологического анализа аналогичных культов у соседних христианских народов Кавказа. Несмотря на то, что полноценное решение этой задачи требует отдельного исследования, в рамках данной статьи мы ограничимся рассмотрением ряда репрезентативных примеров.

Графиня П.С. Уварова в первой части своих «Путевых заметок», опубликованных в 1887 г., описывая быт осетин (алан), отмечала, что они и в ее время проявляли особое почтение к «святым местам». Речь шла об урочищах особого назначения, находившихся по большей части высоко в горах, в густых лесах. Там возводились храмы особого типа, куда ежегодно в назначенный день (на Святую Троицу или в день св. Николая 9 мая) собирались жители соседних аулов с целыми стадами животных, приносимых в жертву и здесь же поедаемых. Сюда же охотники приносили рога убитых ими туров и оленей. В таких местах можно было увидеть и другие приношения: иконы, ковры, кресты, серьги, оружие, стрелы, кольца и прочее [Алиева, 2017, с. 210–211].

Далее П.С. Уварова приводит перечень святых мест Владикавказского округа, среди которых упоминает и следующее: «В Касарском ущелье, между св. Николаем и местом, называемым Гальфандаг, влево от дороги – храм во имя святых Михаила и Гавриила, прозываемых туземцами Микалгаброта. Здесь, говорят, показывают кольцо Нарта Батраса (Батрадз – один из главных героев осетинского Нартского эпоса), будто бы сражавшегося с архангелом Гавриилом. Будучи побежден Архангелом, Батрас должен был ему оставить в залог кольцо, которое и сохраняется в храме» [Алиева, 2017, с. 211].

Здесь мы видим синтез христианской традиции и архаических пластов Нартского эпоса. Поскольку эпос на протяжении столетий бытовал исключительно в устной форме и был зафик-

сирован лишь в XIX–XX вв., его содержание неизбежно отразило процессы синкретизации, происходившие в XVI–XVIII вв. В этот период, как мы уже отметили, ослабление институциональной Церкви привело к возникновению этнизированного христианства, в рамках которого библейские персонажи (в данном случае – архангелы) были переосмыслены через призму эпических и народных представлений.

В Мегрелии в первый понедельник после Нового года существовал обычай совершать в честь архангелов Михаила и Гавриила «охвамери» – моление, сопровождавшееся открытием ритуального пифоса с вином. Одним из символов этих архангелов, к которым обращались с молитвой в начале года, выступала луна. Подтверждением этой связи служат примеры из грузинской иконографии, где архангелы изображены с полумесяцем на головных уборах [Абакелия, 2006, с. 282].

К сожалению, в работах грузинских исследователей нам не удалось найти исчерпывающего ответа на вопрос, почему моление архангелам Гавриилу и Михаилу было приурочено у мегрелов, равно как и у жителей с. Кутол в Абхазии, именно к первому понедельнику Нового года. Как представляется, истоки данной традиции следует искать в пластах народного православия Византии.

Судя по всему, почитание архистратигов Михаила и Гавриила в объединенном образе «Мқамгариа» у абхазов, очевидно, сформировалось под влиянием все того же этнизированного христианства, но уже проникшего из Имеретии, Мегрелии и Гурии. Данные территории исторически входили в юрисдикцию Абхазского Католикосата, административный центр которого последовательно располагался в Пицунде, а позднее – в Гелати.

В завершение настоящего исследования необходимо сделать следующее уточнение. Совокупность проанализированных материалов позволяет с высокой степенью достоверности утверждать, что средневековый храм Киачныха либо

изначально был освящен во имя Небесных Сил Бесплотных, либо являлся местом пребывания исключительной по своей значимости святыни – иконы Архангелов (аныхачапа). Что касается рипиды с изображением Тетраморфа, то, несмотря на ее исходное функциональное предназначение как предмета литургической утвари, она приобрела статус почитаемой иконы (святыни/аныха) позднее – в период упадка церковных институтов и прекращения функционирования Киачской базилики как приходского или монастырского центра. Убедительным доказательством изменения сакрального статуса предмета служит использование потира (литургической чаши) для изготовления защитного футляра (теги) рипиды. Подобное вторичное использование священного сосуда не только маркирует исключительную значимость рипиды как святыни (хати, аныха) для заказчиков изделия, но и свидетельствует о специфическом переосмыслении церковного инвентаря в народной религиозной традиции.

Учитывая выявленную преемственность традиций, представляется целесообразным в случае возрождения литургической жизни в храме Киачныха приурочить праздничные богослужения к трем ключевым церковным датам:

1. 26 марта (8 апреля по юлианскому календарю) – Собор Архангела Гавриила, т. е. молитвенное собрание верующих в честь архангела Гавриила (празднуется на следующий день после Благовещения Пресвятой Богородицы).

2. 13 июля (26 июля по юлианскому календарю) – Собор Архангела Гавриила.

3. 8 ноября (21 ноября по юлианскому календарю) – Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил Бесплотных. Эта дата представляется наиболее значимой, так как объединяет почитание Михаила и Гавриила, что коррелирует с абхазской традицией «Мқамгариа». Термин «собор» в данном контексте (греч. *Σύναξις*) означает общее молитвенное собрание верую-

щих в честь группы святых или ангельских чинов, чья память празднуется в один день.

В эти дни объектом литургического поклонения должна выступать вышеописанная рипида. Для практического обеспечения богослужений будущему клиру храма необходимо располагать точными копиями рипиды и кадильницы.

Параллельно с этим актуальным остается вопрос о репатриации трех аутентичных церковных реликвий, находящихся в настоящее время в собрании Зугдидского историко-архитектурного музея. Оптимальным сценарием их возвращения представляется передача артефактов в фонды Абхазского государственного музея, что обеспечит их надлежащее хранение в рамках национального музейного фонда при возможности их экспонирования и научного изучения.

Литература

1. Амҷба Г. Қьачныха аҭоурых ахьтә // Алашара, 10 (1969), ад. 94–95.
2. Амҷба Г. Аԥсны аҭоурыхи аетнографиеи ирызку астатиақәа. Аҟәа, 1977.
3. Амҷба Г. Аусумҭақәа. Аԥсны аҭоурыхи аетнографиеи. Аҟәа, 2004.
4. Аԥсуаа рфольклор. Артур Аншба иантҳамҭақәа. Еиқәиршәеит, аԥхьажәа, атекстқәа разгәаҭақәеи рарбагақәеи иԥит З. Џьапыуа. Анаукатә редактор В. Арҳынба. Аҟәа, 1995.
5. Кәарҷиа В. Аԥсны атопонимика. Ақәа, 2002.
6. Абакелия Н. Народные обычаи, связанные с церковным календарем. Грузинская Православная Церковь. Ч. III // Православная энциклопедия, 13 (2006). С. 280–283.
7. Адзинба И. Архитектурные памятники Абхазии. Сухум: Абгиз, 1958.
8. Алиева А. «Отреченные» страницы истории российского академического кавказоведения кон. XIX – нач. XX вв.: кавказоведческое наследие А.С. и П.С. Уваровых. М.: ИМЛ им. А.М. Горького РАН, 2017.

9. Бгажба Х. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967.

10. Бжания Ц. Из истории хозяйства и культуры абхазов. (Исследования и материалы). Сухум: Алашара, 1973.

11. Бердзенишвили И. Вопрос о распространении христианства в Абхазии по данным археологии (IV–VIII вв.). Автореф. дисс. на соис. уч. ст. канд. ист. наук. Тбилиси, 2006.

12. Бердзенишвили И. Раннее христианство в Абхазии // Stratum plus, 5 (2010). С. 317–324.

13. Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. М.: Индрик, 2015.

14. Воронов Ю.Н. Древности Военно-Сухумской дороги. Сухум: Алашара, 1977.

15. Гулиа Д. Собрание сочинений. Т. 6. Сухум, 1986.

16. Джонуа Б. К вопросу об этимологии абхазо-абазинского (А)нцәа «Бог» / Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию АбИГИ им. Д. Гулиа АНА. Сухум, 28–31 мая 2001 г. Сухум: Дом печати, 2004. – С. 424–423.

17. Православная Церковь в Абхазии: прошлое, настоящее, будущее. (Статьи, заметки, посты, лекции, интервью). Т. 2. – Новый Афон (Анакопия): Изд. Священной Митрополии Абхазии, 2024.

18. Ендольцева Е.Ю. Храм Киач-Абааныха (Аныхабаа): материалы к изучению // Seminarium Bulkinianum IV. К 80-летию со дня рождения В. А. Булкина. [Сб. статей]. СПб.: Каламос, 2017. – С. 45-49.

19. Ендольцева Е.Ю. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). Отв. ред. А.Ю. Скаков. М.: ИВ РАН, 2020.

20. Инал-Ипа Ш. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухум: Алашара, 1976.

21. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С картами Абхазского побережья и части Римской империи, с рисунками памятников христианства в Абхазии, видов Ново-Афонского монастыря и портретами почивших старцев Афонского Св. Пантелеимонова монастыря. Новое, значительно измененное и дополненное издание. Сост. И.Н. М., 1899.

22. Кация С., священник. Квитоульский приход // Сотрудник Закавказской миссии, 13 (1912). С. 195–199.

23. Логинов В.А., Касландзия В. Новые материалы по архитектуре средневековой Абхазии // Труды Абхазского государственного университета, 6 (1988). С. 50–56.

24. Отчет Совета Сухумского епархиального церковного братства святого благоверного великого князя Александра Невского (за 1911–1912 братский год). Сухум, 1912.

25. Пачулиа В. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.: Наука, 1968.

26. Рчеулишвили Л. Некоторые аспекты грузинской архитектуры Черноморского побережья / Средневековое искусство. Русь. Грузия. М: Наука, 1978. С. 21–28.

27. Рчеулишвили Л. Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии. Тбилиси, 1988.

28. Саканиа С. Кячский храм / Тезисы докладов научной сессии Абхазского государственного музея. Сухум, 1988. С. 16–17 (на абх. яз.)

29. Саканиа С. Две церкви одной формы (из истории архитектуры Абхазии) / Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных регионов: материалы V Международной абхазской археологической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения кавказоведа М.М. Трапш. Сухум [7–11 ноября 2017 г.]: сб. ст. / Ин-т востоковедения Рос. акад. наук; [отв. ред. А. Ю. Скаков]. Москва – Сухум, 2022. С. 354–358.

30. Сангулиа С. Қьач абаа амаӡа // Алашара, 10 (1969). Ад. 93–94.

31. Такайшвили Е. Археологические экскурсии и заметки. Т. 2. Тифлис, 1913 (на груз. яз.).

32. Требелева Г.В., Саканиа С.М., Глазов К.А., Кизилов А.С., Юрков Г.Ю. Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья. Каталог. Т. 2: Храмы предгорной части Восточной Абхазии (Гульрипшский, Очамчирский, Ткуарчальский и Гальский районы). Под ред. А. А. Осиповой. СПб.: Изд. РХГА, 2024.

33. Хрушкова Л.Г. Памятник художественного литья Абхазского музея (икона Архангела Гавриила) // Известия Абхазского института языка, литературы и истории, 5 (1976). С. 139–145.

34. Хрушкова Л.Г. Абхазия в эпоху средних веков: церковная организация и архитектура // Вестник Археологического центра, 5 (2015). С. 98–168.

35. Чирикба В. Абхазские заимствования в мегрельском языке // Абхазоведение (труды АбИГИ: язык, фольклор, литература), 3 (2009). С. 64–125.

36. Чирикба В. Цабалский диалект абхазского языка // Вестник Академии наук Абхазии (Серия: Гуманитарные науки), 11 (2021). С. 20–26.

37. Чирикба В. Фамилии абхазов Турции: садзские, ахчыпсские, псхувские, цабалские // Вестник Академии наук Абхазии (Серия: Гуманитарные науки), 14 (2024). С. 11–36.

38. Чубинашвили Г. Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории грузинского средневекового искусства. В 2 тт. Тбилиси, 1959.

39. Эвлия Челеби. «Книга путешествия». Извлечения из сочинений Османского путешественника XVII в. Земли исторической России и сопредельные области. Вступительная статья, перевод с османского языка и комментарии Е. Бахревского. М.: Институт Наследия, 2023.

Рис. 1. Топографическое расположение руин храма Киачныха (с. Джгярда, Очамчырский р-н). Составлено на основе данных Google Earth.

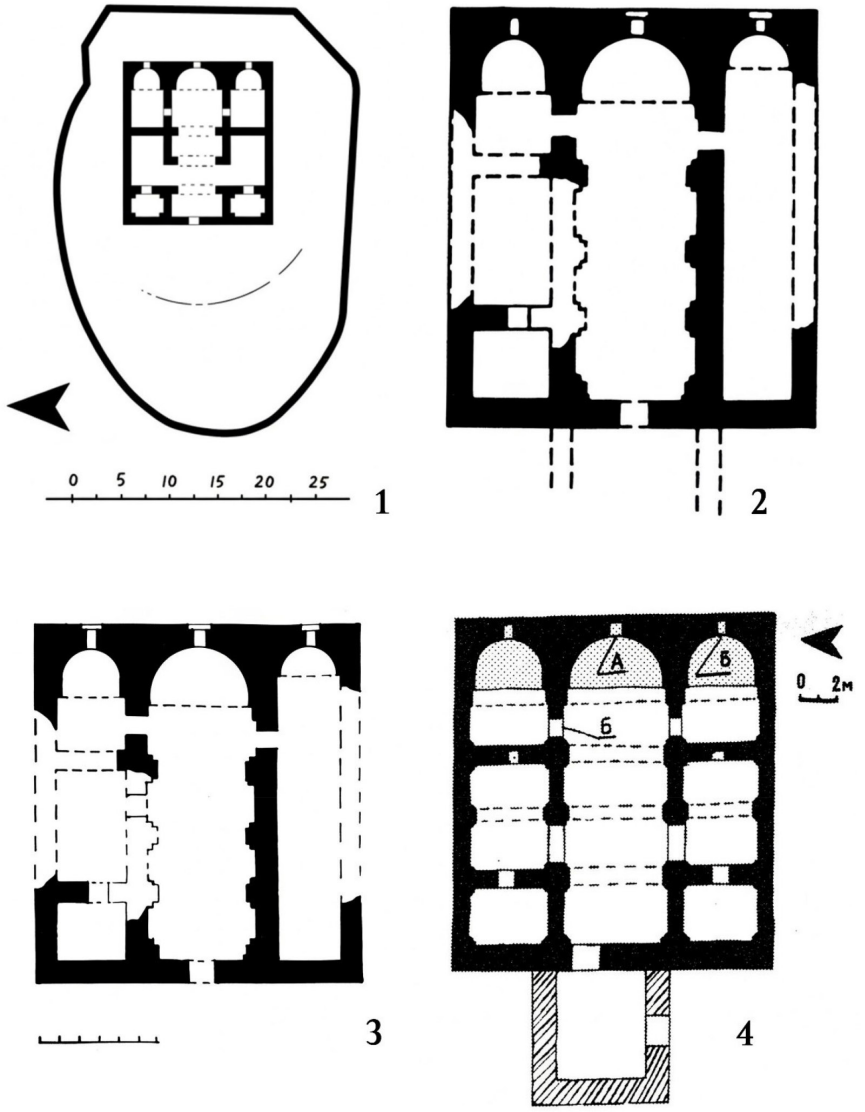
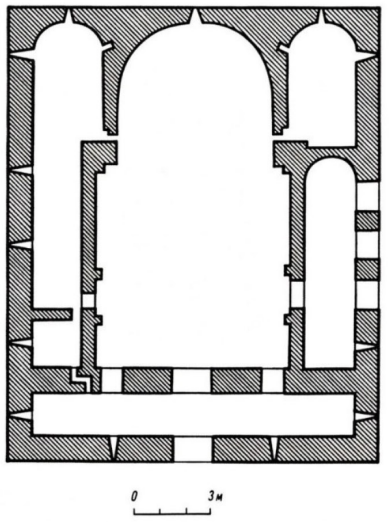
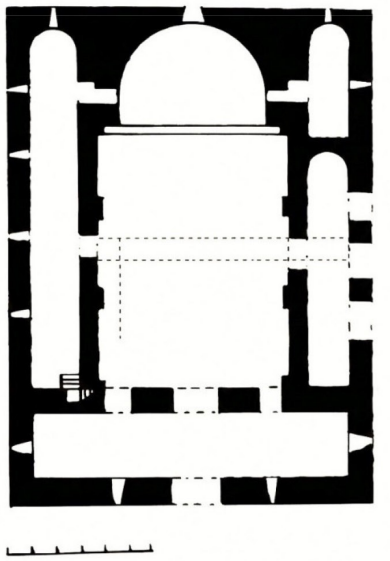


Рис. 2. Планы храма Киачныха. 1 – по Ю. Н. Воронову, 1977 г.; 2 – по Л. Рчеулишвили, 1978 г.; 3 – по Л. Рчеулишвили, 1988 г.; 4 – по В. А. Логинову и В. Касландзия, 1988 г.



1



2

Рис. 3. План храма Амбара (Мюссера). 1 – по М. Иващенко, 1968 г.; 2 – по Л. Рчеулишвили, 1988 г.

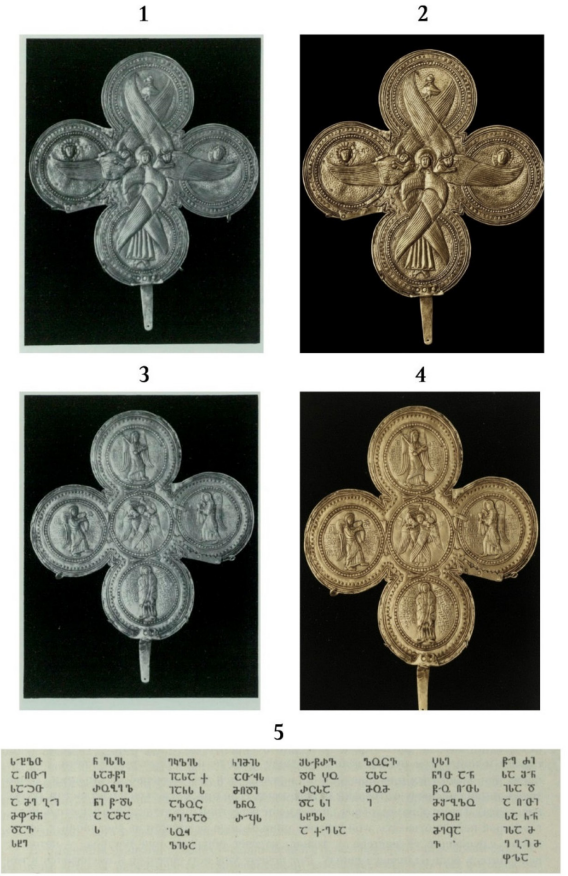


Рис. 4. Киачская рипида. Серебро, позолота, чеканка. Сер. X в. 1 – лицевая сторона, воспроизведено по: [Чубинашвили, 1959, т. 2, ил. 22]; 2 – лицевая сторона, реконструкция выполнена с применением технологий искусственного интеллекта; 3 – оборотная сторона, воспроизведено по: [Чубинашвили, 1959, т. 2, ил. 23]; 4 – оборотная сторона, реконструкция выполнена с применением технологий ИИ; 5 – фрагмент оборотной стороны, воспроизведено по: [Чубинашвили, 1959, т. 2, ил. 24]; 6 – фрагмент оборотной стороны, реконструкция выполнена с применением технологий ИИ; 7 – текст надписи на Киачской рипиде в дешифровке Г. Чубинашвили.

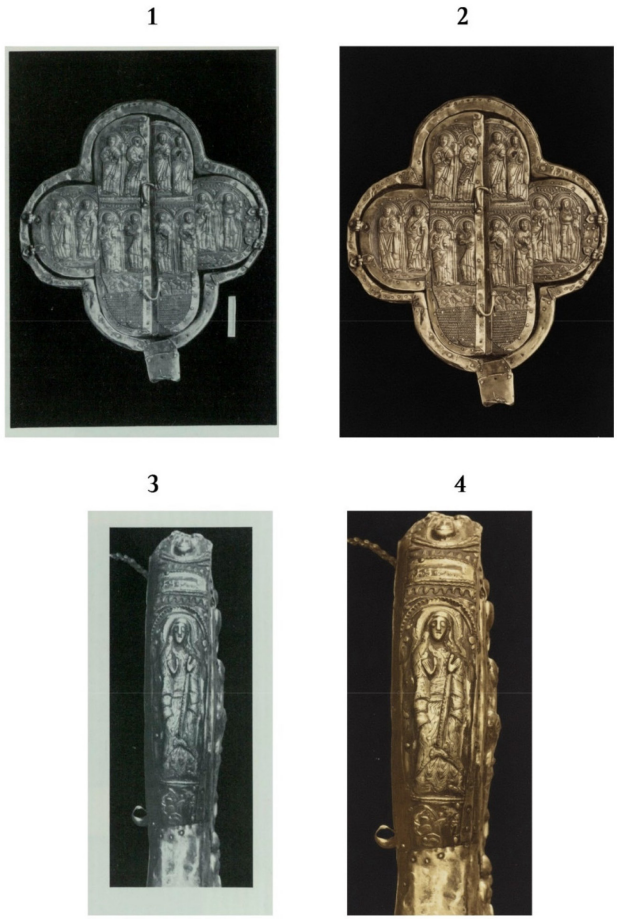


Рис. 5. Тека (футляр) для Киачской рипиды с фрагментами литургической чаши (вторичное использование). Серебро, чеканка. Сер. X в. 1 – лицевая сторона, воспроизведено по: [Чубинашвили, 1959, т. 2, ил. 25]; 2 – лицевая сторона, реконструкция выполнена с применением технологий ИИ; 3 – фрагмент борта теки Киачской рипиды с изображением Богоматери Оранты, воспроизведено по: [Чубинашвили, 1959, т. 2, ил. 21]; 4 – фрагмент борта теки Киачской рипиды с изображением Богоматери Оранты, реконструкция выполнена с применением технологий ИИ.

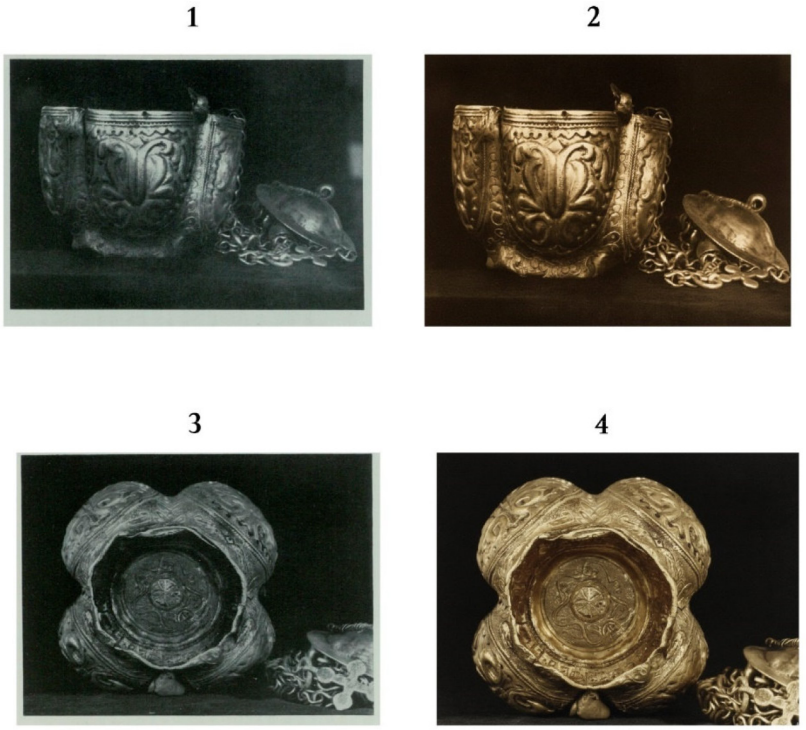


Рис. 6. Кадильница из Киачского храма. Серебро, позолота, чеканка. Сер. X в. 1 – вид сбоку, воспроизведено по: [Чубинашвили, 1959, т. 2, ил. 29]; 2 – вид сбоку, реконструкция выполнена с применением технологий ИИ; 3 – донце (внешняя сторона), воспроизведено по: [Чубинашвили, 1959, т. 2, ил. 31]; 4 –донце (внешняя сторона); реконструкция выполнена с применением технологий ИИ.

Рис. 7. Архангелы: эпиграфика и изображения. 1 – известняковая архитектурная деталь с надписью на асомтаврули из с. Анхуа, АГМ, фото втор. пол. XX в.; 2 – бронзовая иконка с изображением архангела Гавриила, АГМ, воспроизведено по: [Хрушкова, 1976, с. 140]; 3 – бронзовая иконка с изображением архангела Гавриила, АГМ, реконструкция выполнена с применением технологий ИИ; 4 – медальон с изображением архангела (вероятно, Михаила) из средневекового храма в с. Кутол, предположительно, XII в.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авидзба Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, заместитель директора по науке АбИГИ им. Д.И. Гулиа. avidzba.viktor2022@gmail.com

Аргун Алхас Валикович – кандидат исторических наук, директор ННИКЗ «Анакопия». hasafon@mail.ru

Архимандрит Дорофей (Дбар) – доктор теологии, доцент кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, ведущий научный сотрудник отдела древней и средневековой истории АбИГИ им. Д.И. Гулиа. dbardorotheos@gmail.com

Бигуаа Валерий Левардович – доктор исторических наук, профессор Абхазского государственного университета, ведущий научный сотрудник отдела этнологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа, заслуженный деятель наук и заслуженный работник высшей школы Республики Абхазия. valera.biguaa@yandex.ru

Берулава Эка Сергеевна – старший лаборант кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии. ekaberulava2000@icloud.com

Габелая Аслан Суликович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, научный сотрудник отдела новой и новейшей истории АбИГИ им. Д.И. Гулиа, член Абхазского исторического общества. aslan1991st@gmail.com

Габелия Алик Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, декан факультета истории и международных отношений, заслуженный работник высшей школы, заслуженный работник науки РА, лауреат Государственной премии им. Г.А. Дзидзария. agabelia@mail.ru

Гумба Гурам Джотович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, за-

ведующий отделом древней и средневековой истории Абхазии АбИГИ им. Д.И. Гулиа, профессор АН Чеченской Республики. guram-gumba@yandex.ru

Джапуа Альбина Эдиковна – старший лаборант кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии. dzhopua-1995@mail.ru

Джопуа Аркадий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, директор Абхазского государственного музея, старший научный сотрудник отдела археологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа. arkadi100@rambler.ru

Джопуа Инал Аркадиевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, заведующий отделом археологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа. inal100@mail.ru

Кайтан Шандор Геннадиевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, старший научный сотрудник отдела археологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа. shandorkaitan88@mail.ru

Касландзия Наала Валерьевна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, старший научный сотрудник отдела древней и средневековой истории АбИГИ им. Д.И. Гулиа, лауреат Государственной премии им. Г.А. Дзидзария. naala2011@mail.ru

Квициния Мзиана Багратовна – кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории, заслуженный работник высшей школы. mzia_k@mail.ru

Киут Астанда Омаровна – аспирант АГУ. astanda.omarovna@mail.ru

Маан Омар Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, ведущий научный сотрудник отдела этнологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа, член-корреспондента АНА. maa64@mail.ru

Мамац-ипа Рамзет Урусканович – аспирант АГУ, преподаватель кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии,

младший научный сотрудник отдела археологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа. mamatsev.ramzet2016mir@yandex.ru

Мирзоев Асланбек Султанович – доктор исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, ведущий научный сотрудник отдела этнологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа. marzeibach@mail.ru

Нишанян Елена Размиковна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории. lenanishanian@yandex.ru

Отырба Дамей Асланович – аспирант, лаборант отдела древней и средневековой истории АбИГИ им. Д.И. Гулиа. dameyotyrba2@gmail.com

Сангулия Гарик Анатолиевич – старший преподаватель кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, старший научный сотрудник отдела древней и средневековой истории АбИГИ им. Д.И. Гулиа, начальник Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия. garik-ajsanyg@yandex.ru

Смыр София Аркадьевна – старший лаборант кабинета им. проф. Г.А. Амичба. sofismyr@mail.ru

Счастный Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, научный сотрудник отдела археологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа. ychsra@yandex.ru

Харчлаа Лиана Ясоновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, заслуженный работник высшей школы. liana-kharchlaa@mail.ru

Цкуа Инал Лаврентьевич – аспирант АГУ. hastalamuerte13666@gmail.com

Содержание

Бигəаа В.Л. Апрофессор Гьаргь Амҷба иахьа 90 шықəса ихытцуазаарын… (ипстазаареи итцарадырратə нысымҩеи) 5
Касландзия Н. В. Вклад Г.А. Амичба в историческое абхазоведение 13
Архимандрит Дорофей (Дбар) Храм Киачныха: архитектурные особенности, исторический контекст и церковные древности 29
Квициния М.Б. Вопросы истории религии в трудах Г. А. Амичба 77
Мирзоев А.С. Элитарные и эгалитарные политические традиции на Западном и Центральном Кавказе. Взаимоотношения между феодальными владениями Черкесии и демократическими политиями Западного Кавказа 93
Гумба Г.Д. Абхазская государственность: прошлое и настоящее 125
Харчлаа Л.Я. Некоторые вопросы государственного строительства Абхазии в современном глобализирующемся мире 141
Маан О.В. Этнокультурная динамика Восточного Причерноморья в эпоху «военной демократии» (к проблеме этнической истории абхазов 156
Джопуа А.И., Мамац-ипа Р.У. Разведывательные работы палеолитической стоянки в с. Яштуха в 2024 г 179
Авидзба В.В. Административно-правовые преобразования в абхазском княжестве в первой половине XIX века: опыт синтеза имперского права и местных обычаев 189

Габелая А.С. К вопросу о хронологии НЭПа Абхазии: дискуссионные аспекты 199
Аргун А.В. Строительная керамика как исторический источник в изучении объектов на территории исторической Абхазии 211
Сангулия Г.А. Развитие и типология горных обществ Абхазии 233
Сангулия Г.А., Джопуа И.А., Кайтан Ш.Г. Исследования нагорного храма в с. Гума 238
Габелия А.Н., Берулава Э.С. Истоки археологического изучения Абхазии: методология и ключевые открытия (1870 – 1917 гг.) 245
Счастный Д.А. Использование данных ИИ в работе с археологическими материалами: опыт и перспективы 257
Нишанян Е.Р. К вопросу об источниках формирования феодального землевладения в Абхазском царстве (VIII – X вв.) 270
Отырба Д.А. Хронология абхазских царей: интерпретация исторических источников в трудах Г.А. Амичба 283
Джапуа А.Э. Из истории репатриации абхазских махаджиров в контексте российско-османского противостояния (1860 – 1880 гг.) 298
Смыр С.А. Ақыҭа Ҟәланырхәа аҭоурых аҟнытә 315
Киут А.О. Этническая мозаика Абхазии: трансформация уклада жизни переселенцев в XIX веке 326
Цкуа И.Л. Античные эпиграфические памятники Питиунта. 337

Научное издание

В авторской редакции

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 90-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА АМИЧБА

ГЬАРГЬ АЛЕҚСАНДР-ИПА АМҶБА ДИИЖЬҬЕИ 90 ШЫҚӘСА АҬРА ИАЗКУ АҬҬААРАДЫРРАТӘ КОНФЕРЕНЦИА АМАТЕРИАЛҚӘА

Редактор Л.С. Пачулия
Корректор Л.С. Пачулия
Верстка А.Ш. Береджи

Подписано в печать 22.04.2026 г.
Формат 60х84 1/16. Усл. печ. лист 22

Тираж: 150 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в типографии АГУ

г. Сухум, ул. Университетская 1.
E-mail: tipografiya.agu@mail.ru